

Дуэт Виктор ТРЕТЬЯКОВ и Миша МАЙСКИЙ

Общая рап. - 1995-5 окт. - с. 11.

Майский день. Именины сердца

20 ПО 29 СЕНТЯБРЯ в Нижнем Новгороде проходит III Международный фестиваль имени А.Д. Сахарова. Сочетание музыки, живописи, поэзии заложено в саму концепцию фестиваля. Белла Ахмадулина, Сергей Юрский и Наталья Тинякова со своим отмеченным разнообразными наградами спектаклем «Стулья», художественные выставки из Эстонии, России, Германии — радовали местный и приезжий люд. А его слух улаживали замечательные музыканты Юрий Башмет, ансамбль «Солисты Москвы», Дмитрий Башкиров, Виктор Третьяков, Миша Майский...

Покоряющий повсюду лучшие залы, звезда класса «А» в музыкальном мире, Майский почти неизвестен на бывшей Родине, где воспитавшая Московская консерватория все же не дала ему диплома (не сданным остался экзамен по научному коммунизму). На вопросы этой науки пришлось отвечать совсем юному студенту Майскому принудительно, в Горьковской области. Здесь, после тюрьмы, в поселении он был удостоен чести работать грузчиком — 8 тонн цемента в смену — для издательского комбината «Правда».

Новым рождением, считает Миша, стал для него мучительный отъезд из СССР, в двадцать четыре года; это было более 20 лет назад.

Сейчас мы беседуем под сенью дуба в парке близ Болоньи. В Италии, как во всем мире, исполнительское искусство Майского высочайшим образом ценят. На удивление активно, при теперешнем кризисе, посещают его концерты и раскупают многочисленные компакт-диски самой престижной фирмы «Дойче граммофон», где он по популярности занимает после Караяна, Бернштейна третью позицию.

Начиналось как у многих: бедное детство, школа для особо одаренных. Но оторвать темпераментного непоседу от футбола смогло лишь страстное увлечение искусством Ростроповича.

— Он был моим кумиром! Даже то, что кар-тавил не меньше меня, было как знак общности.

Уроки Ростроповича — самое сильное духовное, эмоциональное потрясение отрочества, юности.

— Боль за отца и поныне мучает меня. Он верил в идеи коммунизма, равенство советских людей всех национальностей. И одним из первых пострадал в период «борьбы с космополитизмом»: его выгнали с работы и из партии за то, что принял-де на службу много евреев. Когда он умер, мне было 16 лет, а через три недели — Всесоюзный конкурс. Я не мог участвовать. Тогда Ростропович (он еще не был моим педагогом) позвал к себе; мы распили бутылку водки, он рассказал, как сам рано потерял отца, убедил участвовать в конкурсе, вдохновил. И стал мне как второй отец. Потом, в период подготовки к конкурсу Чайковского, когда в общежитии я жил в комнате на 22 мальчика и нас кормили на 27 копеек в день, он из личных средств назначил мне «стипендию», выдавал по 100 рублей в месяц! В ответ на мои стыдливые протесты сказал просто: «Старик, это тебе от отца». Никогда не забуду...

...Майский высвечивался, неприкаянный рижанин, и в созвездии талантливых питомцев Ростроповича. Хрупкий, с отчаянными глазами, он поража л смелостью, мощью артистического темперамента, непохожестью даже на обожаемого учителя. И внушал тревогу: с ним должно что-то произойти. И происходило.

Его «взяли» тут же, пока он придиричиво, с камертоном проверял облюбованный магнитофон. Особая везучесть или ловко подстроенное дело? Несколько месяцев в Бутырской тюрьме; в переполненной камере место на полу, между нарами в три ряда и «парашей». Суд, поселение, новые жизненные «университеты».

— Теперь могу сказать спасибо судьбе! После жизни в столицах, избранного общения, у меня впервые широко открылись глаза. Впервые я увидел, чем живут, о чем думают, когда еще способны, после веков наследственного рабства, простые советские люди. Увидел, как удушающая система, хоть подчас сопротивление и укрепляет яркие на-туры.

Мир полон русскоязычными «блуждающими звездами». Что ж вас сейчас — дом?

— Мой дом, где живет любимая жена, обожаемые дети, человекообразная кошка — ныне под Брюсселем. Но, думаю, моим Домом стал Израиль, хотя я никогда не был сионистом. Мой дом — и уроки моих учителей, память о великих партнерах по музицированию.

...Майский — единственный виолончелист в мире, который учился у двух «столпов»: Ростроповича и у жившего в Америке великого Г. Пяттигорского. Ему повезло записать три компакт-диска с Бернштейном, играть Касальсу...

— Считаю себя самым счастливым виолончелистом в мире! Не устаю любить музыку, свою виолончель, не устаю учиться у жизни. Вообще мой принцип — «open mind»; уважительно и открыто принимать все многообразие жизни, не делать фетиши только из своих убеждений. Совесть, Музыка, семья, друзья — вот мои боги: это освещает, организует, цементирует всю жизнь. И думаю, отстаивание узких, косных принципов — причина стольких несчастий человеческих, столько войн.

Люблю и вещи, и людей с персональной «печатью». В искусстве более всего ценю Личность, индивидуальное «видение», а не абстрактное совершенство исполнения. Поэтому не выношу конкурсов... А моя виолончель — у нас была любовь с первой ноты. Встретились мы в Нью-Йорке. У меня тогда лишь одни долги. 95-летний бывший виолончелист желал для нее такого молодого хозяина, чтобы виолончель с ним вместе пела соло своим красивейшим голосом на лучших сценах... Этот замечательный старик плакал, когда я играл ему, и жалел, что не может сделать подарок... Но даже треть цены, которую он великодушно попросил, была для меня совсем невозможна. Несколько богатых нью-йоркцев помогли приобрести ее.

— «Виртуоз» происходит от слова «доблесть». В чем бывший консерваторец Миша Майский видит ныне смысл существования?

— Думаю, предназначение человека — это дарить. Мною движет желание делиться своим восхищением, наслаждением, получаемым от общения с Музыкой. Радость взаимопонимания с публикой, чувство, что делаешь хоть одного человека в зале счастливее, насыщает жизнь смыслом.

...Теперь таких счастливых людей стало на целую фестивальную аудиторию больше. Надеюсь, это не последнее место в обновленной России, где звучал «медовый звук виолончели» Миши Майского.

Елена ПЕТРУШАНСКАЯ